

Приложение к газете «Живоносный источник».

Аннотация. В статье кратко представлены два мировоззрения, два взгляда на Бога, религию и церковь - атеистический и христианский. Статья состоит из трех связанных между собой частей и имеет вид заочной дискуссии трех авторов, - атеиста Роман Доброхотова и двух православных участников. В первой части Р. Доброхотов излагает свой взгляд на религию, церковь, Бога, и показывает их отрицательное значение и вред для морали, науки, социального прогресса и других сторон жизни. Во второй части православный христианин А. Ткаченко отвечает на некоторые вопросы Романа и показывает, что в приведенных Романом примерах позиция верующего человека более логична, не противоречит науке и более привлекательна в моральном плане. Дискуссия организована журналом «ФОМА», статьи Р. Доброхотова и А. Ткаченко опубликованы в 5-м номере этого журнала за 2007 год. Поскольку ограниченный объем журнальной статьи не позволил А. Ткаченко ответить на все вопросы и обвинения Р. Доброхотова против церкви, Ю. Лаптев в третьей части статьи дополняет его ответ. Третья часть выполнена в виде примечаний к тексту Р. Доброхотова.

Роман Доброхотов: НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ.

Верить в бога достаточно просто, это может каждый ребёнок. Сложнее объяснить эту веру. Иногда говорят, что это как с влюблённостью – не требует объяснений, но это натянутое сравнение: попробуйте влюбиться, ни разу не увидевшись, не поговорив и даже не вступив в переписку со своей музой! А если речь идёт не просто о вере, но о религии – вопросов становится ещё больше. Ограничимся лишь главными.

Действительно ли бог существует?

На этот счёт существуют, как известно, разные мнения. Кто-то, и даже многие, верит, что господь существует, некоторые же предполагают прямо противоположное. При этом мало кто берётся утверждать, что не существование бога – научный факт. Даже среди атеистов эта точка зрения считается маргинальной. В конце концов – есть же множество верующих учёных? Впрочем, вряд ли их больше, чем распутствующих монахов или, к примеру, проворовавшихся чиновников, поэтому будем искать другие аргументы.

Прежде всего надо выяснить, когда мы говорим, что «нечто не существует». Примеров масса – драконы, призраки, домовые и прочие мифические персонажи. Если ребёнок спросит вас, существует ли Дед Мороз, а вы захотите наконец раскрыть ему правду – то разве вы ответите «я не верю в Деда Мороза»? Скорее всего, вы скажете просто «не существует», причём несколько не сомневаясь в своих словах. Если можно считать научным фактом существование ёлок, то, будучи последовательным, следует признать научным фактом несуществование Деда Мороза в том виде, в каком его представляют дети. Конечно, как персонажи фольклора и литературы существуют и Дед Мороз, и Гамлет, принц датский, но мы называем их «вымышленными героями» – вряд ли какой-то верующий согласится назвать так бога.

Наука, при всём её внутреннем разнообразии, всегда следует принципу достаточного основания, и до тех пор, пока интерпретация некоторой суммы наблюдаемых явлений не требует дополнительных допущений, эти допущения не принимаются. Предваряя возможные возражения, заранее скажем, что осмысленность призыва «не умножай сущности сверх необходимости» не зависит от религиозности его автора, Уильяма Оккама, равно как и качество сапог не зависит от наличия или отсутствия оных у сапожника. (см. стр.10, прим. 1).

А в чём, собственно, существенное различие между верой в бога и верой в Деда Мороза? Сам по себе тот факт, что в бога верят дольше и большее число людей – это не аргумент, тем более что известны куда более древние верования... Скажем, африканское племя Сан из области Нгамиленд может похвастаться тем, что их культ питона существует уже 70 тысяч лет, но вряд ли какой-то учёный сочтёт это достаточным основанием для того, чтобы обратиться в эту веру.

История знает множество попыток доказательств существования бога, но все они предпринимались на уровне интуитивного мышления (которое иногда, видимо, ввиду его не научности, относят к философскому). Скажем, одно из наиболее распространённых обоснований существования бога – попытка объяснить, кто создал этот мир. Однако ничто не противоречит тому, что мир существовал всегда. (см. стр.10, прим. 2).

Зато как раз объяснение появления вселенной как творения господина наталкивается на вопрос о том, как появился сам бог, и единственный возможный ответ на этот вопрос дал индус из примера Бертрона Рассела, который в таких случаях отвечал «давайте поговорим о чём-нибудь другом» (см. стр.11, прим. 3).

Доказательство существования бога через поиск «дыр» в научном мировоззрении тем более нелепо – все знают, что наука не всесильна и даже не может пока подступиться к таким значимым вопросам как, например, проблема материи и сознания, но разве из этого следует существование бога (или Деда Мороза и Священного Питона)?

Не надо думать, что наука признаёт существующими только наблюдаемые явления, это неправда. К примеру, практически все наши знания о микромире и очень многое из исследований макрокосмоса исходит из анализа косвенных признаков существования того или иного явления. Причём непосредственная наблюдаемость для науки вообще не является существенной, так как несложная комбинация некоторых химических веществ делает непосредственно наблюдаемым для человека самые разные существа, в том числе и упомянутого господина бога. Статус существующего заработать в науке непросто – для этого разработан сложнейший механизм верификации и фальсификации гипотез, отшлифованный опытом тысячелетий. Никакого другого механизма различия существующих явлений от воображаемых человечество не знает.

Таким образом, рассматривая гипотезу о существовании бога циничным взглядом последовательного и честного перед собой учёного, придётся признать, что между гипотезами о существовании Священного Питона, Деда Мороза и Бога нет ни малейшего различия в доказательной базе, и пока этой базы нет, несуществование всех этих персонажей в реальной действительности считается фактом. Бывает такое, что научные факты опровергаются, но пока этого не произошло, вымысел остаётся вымыслом. И всё же религия обладает существеннейшим отличием от обычных культов и мифов, формируя в человеке определённую систему моральных норм и ценностей. И с этим связан второй вопрос.

Хороша ли религиозная мораль?

Вопрос этот странный, ведь в разных религиях ценностные системы отличаются друг от друга. Кто-то говорит, что в общем и целом моральные основания у всех мировых религий общие, кто-то утверждает, что различия существенны, но и в этом вопросе есть третья, довольно маргинальная позиция, с которой не согласятся даже многие атеисты: религия аморальна как таковая.

Все современные мировые религии предлагают своим адептам путь к спасению и на этом основывают свою концепцию справедливого мироустройства. Это и привлекательно в религии – в веру часто обращаются люди в критической ситуации, когда они понимают свою невластность над некоторыми ужасными событиями. Скажем, раковый больной может удариться в религию, чтобы если не спастись в этом мире физически, то хотя бы жить надеждой на спасение в мире ином. А если после

погружения в религию опухоль проходит, то это, конечно, тут же объясняется силой веры.

Но как же быть тогда с аргументом Ивана Карамазова, удивлённого цинизмом этой божественной гармонии, пренебрегающей слезой невинно замученного ребёнка? Как и в случае с Оккамом, не пользовавшимся своей бритвой, недостаточно было бы ответить, что сам Достоевский был глубоко верующим. Фёдор Михайлович, пока не требовал его Аполлон к священной жертве, был вообще человеком довольно слабым, поверхностным и падким до разных предрассудков, в том числе и национальных, и нет ничего удивительного в том, что его герои намного умнее, сложнее и интересней их автора (см. стр. 11, прим. 4).

История, увы, дала гораздо более яркие иллюстрации, чем литературный пример о ребёнке, затравленном собаками. Маленькие дети, заморенные голодом в фашистском лагере или, что далеко ходить за примером, жертвы бесланского теракта. Это какой такой высшей справедливостью можно оправдать то, что несколько сотен маленьких детей умерли в своей школе, лишённые еды и вынужденные пить собственную мочу? Это что же это за бог такой, который безразлично смотрит на какую-нибудь испуганно молящуюся девочку, что оказалась в плену у террористов, морящих ее жаждой и садистски насилующих? Многие верующие говорят в ответ, что, дескать, бог дал людям свободу, и те уже справляются с ней как могут, а могут только так жестоко. Но какая же свобода у этой конкретной девочки? Чем же этот бог отличается от Адольфа Гитлера, который под предлогом заботы о человечестве в целом уничтожил сотни тысяч людей по отдельности?

Тут какое-то логическое несоответствие. Если бог только создал правила игры и больше не участвует в процессе принятия решений, тогда зачем же верующие молят его о чём-то, надеются на его милость? А если он в силах принимать решения, то мера его полномочий пропорциональна и мере ответственности. Не злоупотребляет ли он этими своими полномочиями? Почему же это бог решил, что имеет право позволить заморить невинного ребёнка до смерти? Даже дельфины спасают тонущих людей, а уж всевышнему сам бог велел. Кто-то может сказать, что у бога свои резоны, и он не поддаётся человеческой логике, и надо с этим смириться, но эта демагогия ничем не отличается от совершенно аналогичных рассуждений нацистских солдат, исполняющих приказы о пытках и убийствах, с тем лишь отличием, что у веровавших в фюрера выбор был нелёгкий, иногда между жизнью и смертью.

Выходит, что вера в Деда Мороза куда менее цинична – она не создаёт ложного ожидания справедливости и спасения, в ней нет никакого лицемерия. Зачем тогда вообще нужна эта вера в бога? Многие считают, что религия – очень полезная штука для общества, так как является его этическим стержнем, позволяющим человечеству сохранять основные морально-нравственные ориентиры... Этому посвящён третий и последний вопрос.

Нужна ли религия обществу?

Религия для культуры – это в первую очередь именно этическая система. Общество в целом безразлично к таким интимным вещам, как вера каждого отдельного человека во что бы то ни было, но если эта вера как-то связана с общественной этикой, она неизбежно становится частью социальной структуры. На историю всегда оказывает влияние либо та вера, на которой основываются этические нормы, либо вера, которая их подрывает, все остальные верования для общества безразличны. По сути дела, для социальной системы безразлична даже природа веры – религия, политическая идеология, традиции – неважно, что служит обоснованием тех или иных норм, важен их смысл. Любое общество всегда находится в атмосфере идей (пусть иногда и разреженной) но в форму нормативных ценностей идеи могут быть облечены только тогда, когда социальная среда в этом нуждается.

Как правило, общество нуждается в стабильности, и этические нормы лишь укрепляют её. В социологическом смысле нет большой разницы между вором в законе в 90-х годах

в России или архиепископом позднего средневековья – и тот и другой являются частью некой структуры, дополняющей официальные государственные институты и в значительной степени гарантирующей общественный порядок (см. стр. 11, прим. 5).

Какое-то сообщество живёт «по понятиям», какое-то – согласно религиозным предписаниям, но в обоих случаях существует некоторая нормативная система, позволяющая разрешать конфликтные и просто спорные ситуации. В переломные моменты, когда социально-политическая структура общества претерпевает изменения, на этой волне часто возникает новая идеология, которая не только не служит оплотом стабильности, но и наоборот, призвана её уничтожить. Христиане в катакомбный период провозглашали почти те же лозунги, что и намного позже социалисты и коммунисты до прихода к власти – те же свобода, равенство и братство.

Когда же идеология переходит из разряда протестных в разряд нормообразующих, она тут же склонна превращаться в аналог предшествующей ей консервативной системы. Таким образом, относительно религиозной этики существует, как и в отношении коммунизма, две основных позиции – апологетическая, опирающаяся на изначально провозглашаемые ценности, и критическая, опирающаяся на реальную практику имплементации этих норм. И снова (бог любит троицу) имеет смысл обратить внимание на точку зрения, которая отстоит от обеих этих позиций: религиозная мораль – как в её идейном, так и в её практическом воплощении – развитому обществу не нужна.

Несложно заметить, что во всех частях планеты независимо друг от друга этическая эволюция происходит в одном и том же направлении. Можно спорить с марксистской теорией формаций и выделять большее количество этапов, либо несколько иначе определять разные стадии структурных изменений, но, наверное, все согласятся с тем, что этика в значительнейшей степени зависит от общественной структуры, которая, в свою очередь, меняется вместе с развитием технологий и экономики. Эти взаимосвязи очень и очень сложны, и развитие происходит нелинейно, но какие-то мегатренды, опять же, очевидны. Скажем, отрицание индивидуализма, нетерпимость к инакомыслию, приемлемость пыток и показательных казней, непререкаемый авторитет религиозных норм – то, что иногда относят к мусульманской культуре или даже шире к восточной – не более чем просто стадия развития культуры, которой переболела и Западная Европа. (см. стр. 12, прим. 6).

Может быть, радикальному исламисту достаточно этих строк, чтобы начать против автора священный джихад, но факт остаётся фактом – такие универсальные (признаваемые во всех культурах) критерии, как детская смертность, грамотность, уровень медицинского обслуживания, уровень преступности и прочие показатели значительно различаются в странах, основанных на вышеперечисленных культурных ценностях, и государствах, поощряющих индивидуализм, демократические свободы и толерантность, что и даёт основание говорить не просто о различии культур, но и о различных стадиях развития.

Даже те арабские страны, которые «сидят на нефти», не могут сочетать патриархальный строй с процветанием и не попадают в первые десятки индекса развития человеческого потенциала. А кто занимает в этом индексе первые места? Наиболее развитые страны уж точно никак нельзя отнести к наиболее религиозным. Согласно исследованию, опубликованному Washington Profile в 2006 году, самыми атеистичными странами мира, по опросам, оказались Швеция, Вьетнам, Дания, Норвегия, Япония, Чехия, Финляндия, Франция, Южная Корея и Эстония.

Вьетнам попал в этот ряд лишь только потому, что религия в этой стране вытеснена тоталитарной идеологией, а все остальные из этих государств относятся к числу наиболее развитых, причём пять из оставшихся девяти входят в первую десятку стран по индексу развития человеческого потенциала ООН. И наоборот, страны, где религиозная этика строго регламентирует все стороны человеческой жизни, почему-то относятся к числу бедных, а если не повезло с залежами нефти – то и к беднейшим. Наводит на размышления, не так ли?

Иногда можно услышать аргумент, согласно которому в процветающих западных странах, где религия не определяет этические ориентиры, благополучие иллюзорно и поверхностно. Сторонники такой версии пытаются её подтверждать высоким уровнем самоубийств в этих странах. Эта логика выглядит достаточно странной. Во-первых, как известно, человек не склонен к самоубийствам в условиях борьбы за выживание – но можно ли называть общество, где человек всю жизнь борется за еду и безопасное существование, более благополучным? Во-вторых, в религиозных странах самоубийства считаются большим грехом, и страх общественного порицания удерживает многих от подобных поступков. С благополучием общества это никак не связано.

В-третьих, в индустриальных условиях, свойственных развитым странам, покончить с жизнью куда проще – многие самоубийцы в минутном помутнении рассудка бросаются под поезд или из окна, в то время как в провинции жизнью кончают те, кто сознательно на это решился, и таких конечно меньше. Да и сама статистика не обнаруживает здесь прямых взаимосвязей. Скажем, среди лидеров по числу самоубийств в Европе нет стран, приведённых выше как пример наиболее атеистичных. В первую пятёрку наиболее суицидальных стран Европы входят Литва, Россия, Казахстан, Белоруссия и Латвия. Швеция, возглавляющая список наиболее атеистичных стран мира, в «суицидальном списке» Европы только на 27-м месте. (см. стр. 14, прим.7).

Сама по себе идея религиозной этики весьма сомнительна. Верить в то, что нельзя, к примеру, бить женщин и детей, это всё равно что верить в таблицу умножения или во вращение земли вокруг солнца. Если для человека простые истины – предмет веры, а не знания, он становится слепым рабом своих верований, во имя которых женщины и их дети иногда оказываются жертвами охоты на ведьм.

Предположим, что святая инквизиция и прочие примеры «защиты религиозной морали» – это перегибы. Но есть ли вообще смысл в определении этических ценностей через религию? Действительно ли религия укрепляет общество, а не мешает ему развиваться? (см. стр. 17, прим. 8).

Для примера, в определённых молодёжных субкультурах практикуется свободная любовь по взаимному согласию, соответственно заповедь «не возжелай жены ближнего своего» там нарушается. Или вот маньяк с ножом схватил на улице девочку, а подоспевший папаша достал пистолет и нарушил заповедь «не убий». Исходить из презумпции о том, что их поведение греховно просто потому, что так сказал господь – это значит добровольно отказываться от собственного сознания, становиться рабом чьих-то суждений. Верующий, конечно, скажет – «не судите и не судимы будете», но как же не судить, если надо понять для себя – можно так вести себя или нет? И когда верующему человеку преподносят некие заповеди в готовом списке, как инструкцию по пользованию телевизором, это лишает человека главного – самостоятельного формирования ценностных представлений через осмысление и чувственное переживание окружающего мира.

Нет, человек способен и сам осознать моральные принципы, причём именно осознать, а не только почувствовать. Универсальный алгоритм предлагает Иммануил Кант в своём категорическом императиве: «Поступай согласно такой максиме, которая могла бы стать всеобщим законом». Человек сам определяет, что он хотел бы видеть всеобщим законом (распространяющимся и на него самого), а примирять субъективные воззрения на всеобщие законы и вырабатывать социальные нормы призвана уже законодательная система. При таком подходе человек сохраняет свободу, стимул для познания мира и одновременно лишается возможности распространять свою свободу за счёт ущемления прав других граждан. Зачем же вам, верующие, тут ещё и «спущенные свыше» религиозные принципы морали?

Из сказанного выше ясно, что некоторые общества (или даже культуры, на определённой стадии развития) нуждаются в церкви и религиозной этике, но нуждаются только потому, что страдают от недостатка социального капитала. Современные развитые плюралистические общества попросту могут себе позволить

больше измерений свободы и тогда, делая тот или иной нравственно значимый выбор, человек, вместе со своей свободой, берёт за него и ответственность (см. стр. 19, прим. 9).

Наличие некоей всеобщей нормативной этической системы позволяло когда-то уйти от персональной ответственности, удачно сославшись на слова Иисуса или (в зависимости от эпохи) Карла Маркса. Современный человек сослаться может и на того, и на другого, но моральная ответственность останется на нём самом. Человек, конечно, подвержен слабостям, нет-нет да и позволит себе какую-нибудь гадость, а общество – либеральное и толерантное – иногда этого даже не заметит. Оставит безнаказанным. И тут, наверное, хотелось бы, чтобы господь его осудил, сейчас или хотя бы на Страшном суде. Но хотелось бы понять, кто потом будет судить самого бога?

Автор: Роман Доброхотов, магистр политологии МГИМО,

аспирант Высшей школы экономики, председатель

правозащитного движения «МЫ», атеист и неопозитивист, г. Москва.

Александр Ткаченко: БАБОЧКА В ЛАДОНИ.

Ответ на статью Романа Доброхотова «НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ».

Уважаемый Роман, Вы правы: объяснить свою веру в категориях разума действительно трудно. Однако ничуть не легче объяснить подобным образом собственное неверие. Антон Павлович Чехов в 1897 году писал в своем дневнике: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало».

По моему, Ваша статья – добросовестная попытка выйти на это самое поле из своей атеистической крайности, и я рад возможности ответить Вам, потому что и с Вашей, и с моей стороны такой обмен мнениями – шаг навстречу друг другу.

Внимательно прочитав Ваши соображения, я увидел в них очень много общего со своим опытом неверия. Аргументы, изложенные в Вашей статье, довольно долго были основанием и для моей собственной уверенности в том, что Бога нет и что религия всего лишь – пережиток древнего мракобесия, современному думающему человеку совершенно не нужный и даже вредный. Но – странное дело: где-то очень глубоко в душе я осознавал эту свою уверенность не как приобретение, а скорее как непреодолимую преграду, которую мой разум зачем-то построил между мной и Богом. Никакой радости это сознание не приносило, было лишь глухое раздражение от того, что рядом живут люди, для которых этой преграды попросту не существует. Формально все получалось так, как пишете Вы, но сердце отказывалось соглашаться с холодными доводами рассудка. Желание устранить это противоречие и стало началом моего пути к вере.

Я, так же как и Вы, знаю силу рассуждений, отрицающих бытие Бога. Но, в отличие от Вас, знаю также и слабые места в этих рассуждениях.

С научной точки зрения, наверное, можно сказать, что детская вера в Деда Мороза основана на явной фальсификации и поэтому является заблуждением. Утверждать всерьез, будто подарки, положенные родителями под елочку в новогоднюю ночь, являются неоспоримым доказательством существования доброго бородатого старика в красной шубе, так же нелепо, как и верить в то, что детей родителям приносит аист. Но дело тут вовсе не в научности факта, а в особенностях детского восприятия. В мире есть масса вещей, которые ребенку до определенного возраста просто удобнее воспринимать через символический образ. Взрослея, дети, конечно же, поймут, что

никакого Деда Мороза нет, но тайна новогодних подарков раскроется тогда перед ними как еще одно проявление родительской любви и заботы.

А вот можно ли так же уверенно сказать, что и вера в Бога является следствием аналогичной фальсификации? Кто и зачем обманывает человечество на протяжении всей его истории? Можно, конечно предположить, будто религия возникла как следствие недостаточности научных знаний о мире. Но парадокс здесь заключается в том, что фундаментальные основы научного подхода заложили как раз люди глубоко религиозные. Галилей и Кеплер, Ньютон, Мендель, Паскаль, Менделеев... Большинство ученых, сформировавших существующие сегодня методы научного исследования, были глубоко верующими людьми.

Тем не менее, свою статью о ненаучности веры в Бога и Деда Мороза Вы, Роман, почему-то, начали с оскорбления в адрес почти всех основоположников современной науки. Верующий ученый поставлен Вами в один смысловой ряд с распутным монахом и проворовавшимся чиновником – так давайте посмотрим, насколько это сопоставление справедливо.

Блудливый монах нарушает свои обеты, вороватый чиновник – присягу и уголовное законодательство. Но какой обет, закон или хотя бы принцип научного мировоззрения нарушает верующий ученый? Не думаю, чтобы у Вас был на это убедительный ответ.

Наука не может доказать бытие Бога, но так же не может доказать и Его небытие, прежде всего потому, что никогда не ставила перед собой подобных задач. Она изучает мир, его устройство и законы, по которым этот мир существует. Для добросовестного ученого действительно нет принципиальной разницы – сотворен ли мир Богом или существует вечно, поскольку законы природы не изменяются в зависимости от мировоззрения их исследователя. Но если все-таки предположить, что Бог – Творец этого мира, неизбежно придется признать, что Он не может быть частью Своего творения, как художник не становится частью написанной им картины, даже если это – автопортрет. Бог существует за пределами мира, и постулировать Его бытие или небытие в рамках научного метода попросту невозможно, поскольку этот метод не охватывает трансцендентных явлений.

Невозможно поймать золотую рыбку, закинув невод в картофельное поле, но это совсем не доказывает, что золотых рыбок не существует за его пределами. Поэтому, когда Вы пишете: «...мало кто берется утверждать, будто несуществование Бога – научный факт. Даже среди атеистов эта точка зрения считается маргинальной», – я с Вами абсолютно согласен. Правда, при этом я не совсем понимаю, почему Вы в своих рассуждениях сводите научный метод именно к этой маргинальной точке зрения.

Вы пишете: «Статус существующего заработать в науке непросто – для этого разработан самый сложный механизм верификации и фальсификации гипотез, отшлифованный опытом тысячелетий. Никакого другого механизма различия существующих явлений от воображаемых человечество не знает».

Это неправда. И дело тут даже не в том, что механизм верификации и фальсификации гипотез ну никак не мог быть отшлифован опытом тысячелетий, поскольку был изобретен английским философом Карлом Поппером лишь в прошлом веке. Просто Вы забыли упомянуть о том, что научный метод существует в истории человечества параллельно с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским постижением мира. И что наука вовсе не перечеркивает опыт, полученный другим способом, она лишь определяет соответствие или несоответствие этого опыта своим, научным критериям. Например, утверждение «собака – друг человека» совершенно ненаучно, но оно описывает некий реальный опыт познания, который может ставить под сомнение лишь тот, кто никогда не дружил с собакой.

Конечно, наивно пытаться увидеть Бога или, на худой конец – Деда Мороза сквозь дыры в научном мировоззрении. Но так же наивно думать, будто наука может

подтверждать или опровергать явления, относящиеся к мифологическому, религиозному или какому-либо иному способу постижения действительности.

Даже наш повседневный опыт может вполне справедливо противоречить научному знанию. Был такой курьезный случай во Франции в XVIII веке: осел, запряженный в крестьянскую повозку, был убит в оглоблях упавшим метеоритом. Парижская Академия наук в то время категорически отрицала возможность падения камней с неба. И если бы какой-нибудь академик попробовал тогда научно объяснить такой «факт несуществования» владельцу убитого метеоритом осла, крестьянин, наверное, просто побил бы его палкой.

Карамазовские рассуждения о «слезинке ребенка» подкрепленные реальной трагедией детей Беслана и ужасами гитлеровских концлагерей, в разговоре о Боге могут показаться неоспоримым доказательством Его небытия. Поэтому я не стану спорить, а вместо этого проведу небольшой мысленный эксперимент: я с Вами соглашусь.

Честно и добросовестно я попытаюсь предположить, будто ужасы и жестокая несправедливость в отношении ни в чем не повинных детей привели меня к абсолютной уверенности в том, что Бога нет. Вот, я уже отбросил вздорную шелуху религиозных фантазий, понял, что в мире нет силы, ограничивающей человеческую злобу и безумие, и со спокойной уверенностью смотрю на жизнь обновленным взором. Ну и что? Разве от сознания того, что Бога нет и никогда не было, стало меньше в мире страданий, крови и детских слез? Да, нет – ровно столько же, сколько и было. Стало мне легче слышать обо всех творящихся вокруг мерзостях? Честно говорю – ничуть.

«Слезинка ребенка» – эмоционально очень сильный аргумент для теоретических построений, но на практике он совершенно непригоден, поскольку, отрицая бытие Божие, человек тем самым признает абсолютную свободу подлецов, негодяев и кровавых маньяков, которые в мире без Бога оказываются ничем и никем не ограничены в своей безумии. Нет, их всех, конечно, поймают и накажут. Потом. Когда они уже натворят множество непоправимых бед. Только детских слез и крови от этого не убавится.

Использовать чужое горе как материал для построения силлогизмов, объясняющих свое неверие, наверное, можно, но лишь при одном непременном условии: нужно быть к этому горю полностью равнодушным. И в этом, на мой взгляд – главная неправда Карамазовского рассуждения. Ну попробуйте, к примеру, подойти к матерям Беслана и утешить их своими выводами, сказав: «Вот видите, ваши дети страдали и погибли в мучениях, значит, Бога нет». Не думаю, что у Вас хватит духа повторить свои логичные рассуждения перед теми, на чей трагический опыт Вы ссылаетесь в своей статье.

К глубокому моему сожалению, я не могу исключить возможности того, что в беду, подобную ужасам Беслана, могут попасть и мои собственные дети. Я не хочу представлять себе подробностей и просто допускаю, что это будет ситуация, когда не только я сам, но и вообще никто и ничто на свете не сможет им помочь. Но я верю, что Бог любит моих детей неизмеримо сильнее, чем я сам. Я верю, что Он может их освободить, если они попадут в западню; верю, что Он может дать им силы перенести страдания, если они все же останутся в лапах нелюдей; наконец, верю, что Он примет их с любовью, если сочтет их готовыми к Жизни Вечной.

И я не хочу угадывать – что именно Господь в такой страшной ситуации сочтет для моих детей большим благом. Я просто молюсь о том, чтобы такого не случилось, но случись оно – и моя вера в то, что Бог есть и Он не оставит моих детей в самой жуткой беде, будет для меня единственным основанием жить дальше. Потому что в мире, где детям Беслана и Освенцима не может помочь даже Бог, я не хочу жить и дня.

Вы недоумеваете – почему Бог допускает безвинные страдания, почему не пресечет ужасные преступления озверевших маньяков еще на стадии их замысла, если Он действительно добр и всемогущ? Я не буду говорить, что у Бога – свои резоны (хотя для меня самого это – вполне достаточное объяснение). Давайте просто подумаем: с

какого уровня зла Бог должен, по Вашему мнению, начать пресекать человеческую свободу? Вы предлагаете сделать таким критерием страдания, причиненные детям.

Согласен. И предлагаю простой пример. Несколько лет назад Московская Патриархия обратилась на биологический факультет МГУ с просьбой дать определение, что следует считать моментом начала новой жизни: выход младенца из лона матери, перерезание пуповины, первый вздох, начало формирования нервной системы эмбриона, первое деление яйцеклетки или же просто оплодотворение. Ответ был получен совершенно однозначный: с научной точки зрения, началом новой жизни считается оплодотворение яйцеклетки, поскольку именно в этот момент возникает уникальный, никогда прежде не встречавшийся набор хромосом.

И это – уже новая жизнь. Так что и с точки зрения науки, и с точки зрения религии искусственное прерывание беременности на любой стадии – это преднамеренное убийство. Насколько оно жестоко по исполнению, можно увидеть в фильме «Безмолвный крик», где с помощью ультразвука сняли весь процесс абортирования. Ребенка рвут на куски заживо, и в фильме видно, как ему больно и страшно, как он пытается увернуться от железок, которыми его вытаскивают из мамы по частям.

Скажите, Роман, кого Бог должен здесь остановить: врачей-убийц? матерей, отдавших своих не рожденных еще детей на растерзание? отцов, давших согласие на это убийство? или – всех сразу? А ведь есть еще целая индустрия производства контрацептивов abortивного действия, которыми ребенок убивается матерью даже без «помощи» врача. Чтобы остановить всю эту мясорубку, Богу нужно было бы парализовать половину населения земного шара. Сотни миллионов человек обыденно, между делом губят собственных детей, а другие сотни миллионов спокойно живут рядом с ними и ничуть не тягостятся происходящим.

Знаете, Роман, я иногда склонен думать, что Бог попускает трагедии, подобные бесланской, уже только для того, чтобы люди со стороны увидели всю мерзость и ужас детоубийства – зла, которое стало в нашем мире нормой.

Бог не останавливает людей на путях зла, потому что почти все наши пути – зло перед Богом. Мы привыкли сами себе ставить оценки за поведение и наивно думаем, что если Бог существует, то останавливать Он всегда должен кого-то другого, а не нас самих. И это чувство собственной непричастности ко злу – самая страшная болезнь человеческого духа, именно здесь кроются корни самых ужасных преступлений. И Гитлер, и бесланские отморозки тоже ведь наверняка были убеждены, что ничего особо плохого в их «подвигах» нет. Бог не останавливает нас потому, что ждет нашего покаяния, ждет, когда нам самим станет тошно и страшно от того, как мы живем и что делаем друг с другом в этой жизни. Глупо на Него обижаться за то, что Он не превратил мир в огромный концлагерь, где все творят добро и воздерживаются от зла не по своей свободной воле, а из страха получить парализующий разряд от некоего «божественного шокера».

Я уверен, что Бог ограничивает зло в мире, иначе мы давно имели бы по Беслану в каждом райцентре. Но меры этого ограничения мне знать не дано, потому что это – дело Божье. И слезинка ребенка не смущает меня по этой же причине. Просто я верю, что Господь растворит эту слезинку в океане Своей любви, верю, что Он подаст всем безвинно страдающим такое утешение, такую радость, по сравнению с которыми любое возможное страдание – просто ничто, потому что любовь Божия неизмеримо сильнее человеческого зла.

Вера и неверие – два конца огромного поля, о котором писал Чехов. Сам Антон Павлович, по собственному его признанию, свою веру на этом поле растерял. Но можно ли растерять неверие? Можно ли неверием поделиться, или хотя бы – обладать им?

В свое время я был поражен евангельскими словами о Христе, в которых увидел исчерпывающее объяснение моему неверию: свет пришел в мир; но люди более

возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы (Ин 3:19-20). Я как-то сразу вдруг понял тогда, что все мои атеистические рассуждения и доводы – всего лишь ширма, за которой я пытаюсь спрятаться от света, понял, что я просто боюсь увидеть себя в этом свете.

Есть восточная притча: однажды ученик великого мудреца решил испытать своего учителя. Он поймал бабочку и подумал: «Вот мой учитель все знает, сейчас подойду к нему и спрошу: „В моей руке бабочка, как ты думаешь, живая она или мертвая? Если скажет, что живая я сожму кулак, и она умрет, если скажет, что мертвая – я разожму кулак, и она улетит“».

Учитель, в моей руке бабочка, как ты думаешь живая она или мертвая?

Все в твоих руках, – ответил учитель.

Спор о бытии Божиим чем-то напоминает эту притчу. Одни и те же факты и знания о мире, словно бабочку в ладони, можно использовать в качестве аргумента как со стороны веры, так и со стороны безверия. Все зависит от нашего желания, все в наших руках.

Но вот почему человеку хочется, чтобы Бога не было? Ответ на этот вопрос не нужно искать слишком далеко. Достаточно просто заглянуть в собственную душу.

Автор: Александр Ткаченко, печник,

православный христианин, г. Жиздра Калужской области.

Юрий Лаптев, дополнение к ответу Александра Ткаченко.

Не зря А. Ткаченко избрал такую форму дискуссии, - игнорировать многие замечания, а точнее, выпады и колкости против религии вообще и Христианства в частности. Потому что, во-первых, даже для краткого, но аргументированного опровержения всех обвинений и изложения истинного положения дел по всем, поднятым Романом вопросам, не хватит не только журнальной статьи, но и всего журнала. И, во-вторых, слишком много вопросов и замечаний вызваны откровенной безграмотностью автора в Христианском вероучении, и Ткаченко просто щадит автора, не устраивая ему ликбеза.

Вместо этого Александр легко и очень деликатно парирует только некоторые, наиболее грубые выпады Романа, и использует отведенное ему журналом место для того, чтобы показать, что позиция верующего человека более логична, не противоречит науке, а главное, она более привлекательна в моральном плане, чем позиция неверующего человека и тем более атеиста. И даже намекает, что некоторые честные атеисты догадываются об этом, однако боятся изменить свою позицию только потому, что для этого нужно пристально заглянуть в свою душу. И как мне кажется, ему это удалось.

Но, как мне кажется, нельзя оставить без ответа и все основные соображения (точнее, выпады) Романа, так как некоторые читатели, наверняка, решат, что у Ткаченко просто нет на них ответа. И это может повредить его позиции. Именно это соображение и подвигло меня к необходимости кратко ответить на некоторые основные вопросы и отвести обвинения. Однако в рамках короткой статьи сделать это оказалось действительно сложно. Особенно это касается последнего пункта обвинений, касающегося свободы, «морального закона» и заповедей. Поскольку я отвечал на конкретные выпады и обвинения, то первоначально построил свой ответ в виде кратких примечаний к тексту, сделанных по ходу его изложения. Но когда объем примечаний превысил объем самой статьи Романа, то пришлось собрать все примечания в один текст, который и приводится ниже.

Примечание 1: Магистру политологии и неопозитивисту следовало бы знать цитируемого автора в оригинале. В оригинале принцип звучит так: "Ничего не следует полагать без основания, за исключением того, что познаётся само через себя, или известно из опыта, или удостоверено Святым Писанием". Уильям Оккам.

Как видно, этот принцип как раз и подтверждает бытие Бога, удостоверенное Святым Писанием и известное из опыта Богообщения (недоступного науке и атеистам). В науке этот принцип используется в измененном виде как принцип достаточного основания и звучит так: «Сущности не должны умножаться сверх необходимости». Этот разумный принцип «экономии мышления» стал одной из основ современной науки, но он не применимый к проблеме, выходящей за рамки науки, к мировоззрению.

Как видно из определения принципа его автором, не нужно приписывать Оккаме некий стихийный материализм и считать, что любые явления мира, в том числе и само происхождение мира и вселенной можно объяснить чисто материальными причинами. И что Бог, это та самая Сущность, которую и полагается избегать. Как видно из оригинала принципа, это не так.

Примечание 2: Магистру политологии и неопозитивисту, использующему науку для борьбы с «религиозным невежеством» следовало бы знать современные научные представления о происхождении вселенной, а не использовать взгляды времен Лапласа. Под современными я имею в виду представления, появившиеся около века назад и уже более полувека ставшими общепринятыми в науке. А эти представления удивительно напоминают религиозные. Напомню, что в первой книге Библии написано, что Бог создал мир «из ничего».

Примерно с середины прошлого века физики и астрофизики также считают, что мир возник много миллиардов лет тому назад, образно выражаясь «из ничего». Наука называет это «ничего» первоатомом, имеющим размеры 10^{-35} м., в котором «все» находилось. Под «все» ученые понимают не только материю нынешней вселенной, а также пространство и время, являющимися атрибутами материи. Интересно, что сами по себе, без материи, пространство и время не существуют и являются ее атрибутами.

Откуда он взялся, этот первоатом, где он был, наука не знает и оставляет этот вопрос открытым. Один из авторов современной космологии, объясняющей происхождение вселенной в результате «Большого взрыва» первоатома, английский ученый Стивен Хокинг считал, что происхождение первоатома является не научным, а философским вопросом. А если философским, то значит мировоззренческим, и исключающим возможность применения принципа Оккама при оценке разных вариантов его происхождения (см. примечание 1). Вопрос где находился первоатом вообще не имеет смысла потому, что вопрос где имеет смысл при наличии пространства, а его еще не было, так как протяженность и время являются атрибутами материи, а если материи не было, то не было ни времени, ни пространства.

А был просто некий первоатом, который взялся непонятно откуда и был непонятно где. И вся материя вместе с ее атрибутами, - пространством и временем - находилась в первоатоме, в некоем «сингулярном» состоянии. Это состояние материи невозможно представить, но ученых это несколько не беспокоит, так как все, касающееся микромира не представимо, и является математической абстракцией. Сингулярное состояние является неустойчивым, и поэтому этот первоатом перешел в другое состояние, «взорвался» и во все стороны полетели «осколки». Так появилась нынешняя расширяющаяся вселенная, с ее материей, которая с тех пор изменяется в пространстве и времени. Из такого понимания возникновения мира и вселенной следуют интересные философские выводы.

Вот некоторые из них. 1. Не нужно надеяться, что ученые когда-то докажут наличие или отсутствие Бога, наука просто изучает разлетающиеся осколки первоатома и не касается вопросов его появления. 2. Было время, когда не было времени! В этой связи очень старый вопрос, который очень любил повторять вождь мирового пролетариата, коммунист и атеист В. И. Ленин: «А что делал Бог до того, как сотворил этот мир» не

имеет смысла, так как «до того» или «после того» являются атрибутами времени, а его еще не было. Не говоря уже о том, что Творец Мира и времени находится вне Своего творения, то есть вне времени.

Примечание 3: Как известно, Б. Рассел был атеистом, и поэтому ответ индуса понимал как уклонение от вопроса, на который у него не было ответа. Но любой верующий человек скажет, что индус уклонился от ответа по другой причине. Поясню ее примером. Если бы индус спросил Б. Рассела, - за что он получил Нобелевскую премию в области физики, то я думаю, что тот не придумал бы ответа лучше, чем получил от индуса на свой вопрос. Потому что невозможно объяснить необразованному и живущему в джунглях человеку, можно сказать, дикарю, за что ты получил нобелевскую премию по физике. Но точно таким же дикарем является для индуса человек, способный всерьез задать такой вопрос, который он услышал от Б. Рассела.

И еще одно замечание. Если даже предположить, что у индуса не было ответа на вопрос Рассела, то научная картина мира в этом смысле мало отличается от представления индуса, так как ученые тоже не рассматривают вопрос, - откуда появился первоатом и где он был (см. выше). Не говоря уже о том, что приняв научное объяснение происхождения вселенной, надо соглашаться и с дальнейшим. С тем, что потом эволюционным путем возникли Солнечная система, планета Земля, жизнь на земле; потом опять же эволюционным путем из обезьяны появился человек, который стал такой умный, что додумался до всего этого. А на эти, и многие другие аналогичные вопросы наука ответить не может.

Примечание 4: Все свои произведения Федор Михайлович написал, будучи глубоко верующим человеком, Христианином, каким его и знает весь мир. Назвать его поверхностным и слабым может только человек, незнакомый с его творчеством и жизнью. О глубине его ума, широте взглядов, эрудиции и т. д. можно судить по его произведениям и дневникам. Да и вообще, как это может быть, что бы герои были умнее и глубже создавшего их автора. Это же просто абсурд! Это даже сильнее чем предыдущий пассаж о существовании елок, являющийся «научным фактом».

Примечание 5: После разрушения Советского Союза, в 90-е годы в России сформировалась новая власть, которая была еще слаба, и в стране был разгул криминала. Но утверждать на основании этого, что воры в законе в 90-х годах обеспечивали в России общественный порядок и дополняли собой государственные институты, то есть органы правопорядка, может только легкомысленный или симпатизирующий им человек. Хорошо знаю, что в Советское время, когда лицемерие партийных функционеров и насаждаемой ими идеологии вызывало всеобщее отвращение, в качестве протеста против этого лицемерия существовала некая симпатия к «ворам в законе», которые были якобы чище и благороднее власти. Но это иллюзия. Любой вор, в законе он или нет, по определению только разрушает общественный порядок, а не укрепляет его. О том, что представляют собой эти «воры в законе», какая это мерзость, можно прочитать, например у А. Солженицына или В. Шаламова.

Церковь не только в средние века, но и в любое время своим существованием укрепляет общественный порядок. Но сводить ее деятельность и существование к «некоей структуре, гарантирующей общественный порядок» и на этом основании сравнивать ее служителей (архиепископов) с ворами в законе не может даже вор, так как понимает всю абсурдность подобного сравнения. Это заявление голословно, то есть не подтверждено никаким примером или соображением, и поэтому не может быть предметом обсуждения и критики. Более того, оно оскорбительно и похоже на то, как во время дискуссии, потерявший голову человек кричит оппоненту, – дураки вы все, дураки. На это можно бы ответить, - сам ты дурак, но А. Ткаченко деликатно не замечает этого выкрика. И не только этого, но и других, мало от него отличающихся. Например, последующий, что в катакомбный период христиане провозглашали почти те же лозунги: – свобода, равенство и братство - что и позже социалисты. Я тоже оставляю его без внимания, так как есть некоторый предел критики, ниже которого нельзя опускаться. Ведь о содержании вероучения христиан и истории создания,

существования, развития и разделения Церкви на Западную и Восточную есть обширнейшая литература, бери и читай. Но это труд, всегда проще учить других, чем учиться самому.

Примечание 6: Какая каша в голове! В один смысловой ряд ставится отрицание индивидуализма, нетерпимость к инакомыслию, приемлемость пыток, и - непререкаемый авторитет религиозных норм. Молчаливо предполагается, что первые являются следствием религии и вообще являются стадией развития культуры, которой переболела Западная Европа, когда была верующей. И вот только теперь, когда Европа стала безрелигиозной (секулярной), и появились гуманизм, уважение личности, демократические свободы и т. д.

А ведь все обстоит совершенно наоборот. Как раз гуманизм, уважение к человеку, ценность человеческой личности принес с собой Христос, а не просветители времен Возрождения, Французской революции или нынешние европейские государственные и общеевропейские институты власти. Они лишь живут на проценты с того морального капитала, который был накоплен нашими предшественниками, в течение почти 20-ти веков по крупицам собиравшими его. Ведь Европейский континент уже 20 веков является христианским, а с 5-го века именно христианство определяло всю его жизнь и историю. Даже летоисчисление во всем христианском мире (а не только в Европе) принято вести от Рождества Христова и, называя год, добавлять, от (или до) Рождества Христова. Но и это сейчас стыдливо умалчивается, и, называя год, говорят - от Новой эры или до Новой эры. Хотя, по сути, правильно говорят, так как именно с Его Рождества и началась новая эра в истории всего человечества. И вся истории Европы и состоит в усваивании и переваривании европейскими народами Евангелия, - благой вести, которую принес с Собой Христос.

Только поверхностный взгляд на историю может привести к ложному выводу, что пока Европа была христианской, она была бедной и несчастной, - не было гуманизма, демократии и прав человека, а вместо них, - непререкаемый авторитет религиозных норм. Автор и делает такой вывод, сравнивая нынешнее положение дел в Европе с правами человека, с тем, которое было в те века, когда Европа была христианской. Действительно, европеец конца 20-го века чувствует себя несравненно свободнее и увереннее, чем, например, в 18-м или 19-м веках. Например, во многих европейских странах, потерявший работу человек может хоть всю жизнь безбедно жить на социальные пособия.

Но почему можно объявлять эти социальные завоевания следствием демократии и противопоставлять их христианскому прошлому Европы? Только потому, что они появились в конце 20-го века. Так ведь в 18-м и 19-м веках не было и материальной базы для их утверждения. Это также нелогично, как и обвинять европейцев 18-го, 19-го веков в отсутствии у них Интернета и мобильных телефонов. Но также как Интернет и мобильные телефоны появились как следствие развития науки и технологии, так и социальные завоевания были следствием развития экономики и христианских корней в области прав человека. Автор сам отмечает, что в нехристианских странах, например, в Саудовской Аравии даже высокий уровень благосостояния не позволяет ей попасть в десятку стран с высоким индексом развития человеческого потенциала.

Наша культура очень целостна. Когда стоит красивое здание, то мы видим только то, что находится снаружи: стены, облицовку, рамы и т. д. Но держат все это мощные внутренние опоры, каркас, не видимый нами. Здание европейской цивилизации тоже зиждется на определенных столпах и опорах. Этими столпами, очевидно, является христианство. Всем своим современным достижениям не только в социальной и гуманитарной областях, но и в культурной, экономической, политической, научной и иных областях Европа обязана христианству. Наука, нынешняя наука создавалась христианскими учеными, культура - христианскими художниками, поэтами, живописцами, экономический расцвет произошел после эпохи Реформации Западной Церкви и утверждения во многих европейских странах новой христианской конфессии, - протестантизма. Христианские корни в области гуманизма и прав человека в странах Европы можно увидеть в конституциях европейских стран. Конституции европейских и

других христианских стран в части прав человека были приняты, когда эти страны были христианскими.

Я, конечно, не помню на память эти статьи о правах гражданина, но помню, как был поражен, когда читал их в конституции Америки. Вот наглядный пример христианских корней в вопросе прав человека и уважении к личности. Америка была создана выходцами из Ирландии и других европейских стран, которые были в основном пуританами. Пуритане, - это одна из разновидностей протестантизма. А то, что авторы конституции и отцы-основатели Америки были верующие, можно увидеть из того, что до сих пор на Американском долларе, на каждой банкноте написано: «мы верим в Бога». К сожалению, сейчас эта декларация не соответствует действительности и в Бога в Америке и Европе мало кто верит. Но именно секуляризация общественной жизни, когда Европа и Америка задвинули Христа на задворки жизни и пытаются жить «своим умом», является причиной всех постигших континенты социальных (да и природных) катаклизмов.

Посмотрим, например, на ситуацию в области прав человека, - какие права защищают нынешние отцы-законодатели этих стран. Это, прежде всего, права так называемых «сексуальных меньшинств», а попросту говоря гомосексуалистов и лесбиянок, и права феминисток, которые уже довели жизнь в стране до абсурда. Достаточно просто косога взгляда на женщину, чтобы заработать обвинение в сексуальном домогательстве и получить наказание. А вот право на жизнь, - как запрет абортов, законодатели даже не рассматривают, так как это покушение на право женщины на аборт! Так нынешние законодатели и власти пока еще не выступают открыто против христиан и христианства.

А вот как только в какой-то христианской стране к власти приходят люди, желающие осчастливить свой народ избавлением его от «религиозного дурмана», так человеческая жизнь обесценивается и начинает работать машина уничтожения. Для примера можно привести Французскую революцию конца 18-го века и Русскую революцию 20-го века. Одним из лозунгов Французской революции, кроме свободы, равенства и братства был лозунг «раздавить гадину». Гадинай французские революционеры называли католическую церковь. Они ее успешно раздавили, уничтожив священников, как позднее и русские революционеры-ленинцы. И начали строить счастливую жизнь без Бога. Что у них получилось, все хорошо знают.

Вместо свободы, равенства и братства - тоталитарная идеология и запрет на свободу совести. Во Франции заработали гильотины, на которых без суда и следствия уничтожали врагов народа. А в России их уничтожали тоже без суда и следствия в лагерях смерти. Сколько миллионов человек тогда в России было уничтожено, до сих пор сосчитать не могут, но много, очень много. Да что лагерь, сама страна, Россия, была сплошным лагерем смерти, в котором никто не чувствовал себя в безопасности. Человека можно было арестовать и уничтожить без всякого повода. А ведь еще Достоевский предупреждал, что России уход от Христа будет «стоять» 100 миллионов голов. Так оно и получилось.

Именно христианство утверждает, что человек, это образ и подобие Божие, это личность, глубокая как космос, «мера всех вещей». Именно христианство принесло уважение и неприкосновенность человеческой личности, которого не было, и до сих пор нет в нехристианских культурах и народах. В нехристианских странах до сих пор можно увидеть такие примеры в жизни общества, которые имеющим христианские корни европейцам кажутся дикими. Например, в исламских странах до сих пор можно увидеть похищения людей с целью выкупа или использования их в качестве рабов. Другой пример, в 1915-м году турки просто так вырезали 1,5 миллиона армян, и Турция до сих пор не признает геноцид армянского населения. А сколько миллионов христиан уничтожили турки за время своего владычества на Балканах? И они нимало не печалются об этом. А, например, у немцев до сих пор есть комплекс вины перед народами Европы за развязанную ими вторую мировую войну. Вот разница психологии, христианской и исламской.

Еще один пример нехристианского отношения к человеческой жизни. В 1973-м году в Камбодже пришел к власти Пол-Пот, и он за два-три года просто так уничтожил треть населения своей страны, а это несколько миллионов человек. В древности таких и подобных им примеров было много. Например, в Японии еще в 19-м веке по указанию Сегуна (князя области), устраивались напоказ регулярные и показательные казни самураев без всякой вины, так называемые харакири. А в Латинской Америке, в империях инков и ацтеков, устраивались регулярные и массовые человеческие жертвоприношения. Дикость их не в том, что людей убивали без суда или с особой жестокостью. А как раз наоборот. Людей убивали просто так, без всякого сожаления, как животных, даже как тараканов или мух. Потому что без Христа нет и человека как личности, есть просто обезьяно-человек. Это в Христианских странах убийство человека всегда считалось преступлением, а убийца преступником. А в нехристианских странах убийство тогда даже не считалось преступлением.

Это все не требующие доказательства факты. Их, конечно, недостаточно для доказательства христианских корней европейской культуры, но Роман и тем более ничего не доказывает. Он просто заявляет что «наверное, все согласятся с тем, что этика в значительнейшей степени зависит от общественной структуры, которая, в свою очередь, меняется вместе с развитием технологий и экономики». (То есть, другими словами, бытие определяет сознание). А дальше рассуждает о каких-то «мегатрендах» в развитии культуры, которые ему очевидны. Но не все согласятся с тем, что бытие определяет сознание, мы это уже проходили. Именно те, кто это утверждал, и превратили Россию в лагерь смерти, когда пришли к власти в 1917-м году. Поэтому не нужно опять возвращаться к их ложным теоретическим тезисам. И «мегатренды» тоже не очевидны.

Примечание 7: Рассмотрим очередное утверждение Романа о том, что религия является тормозом не только социального, гуманитарного и морального прогресса, но и препятствует развитию экономики. Автор приходит к такому выводу путем очень нехитрого рассуждения, процитирую его: «Даже те арабские страны, которые «сидят на нефти», не могут сочетать патриархальный строй с процветанием и не попадают в первые десятки индекса развития человеческого потенциала. Страны, где религиозная этика строго регламентирует все стороны человеческой жизни, почему-то относятся к числу бедных, а если не повезло с залежами нефти – то и к беднейшим. Наводит на размышления, не так ли?».

Не наводит. А если и наводит, то на размышление о том, чему сейчас учат в университетах, и чего стоят сейчас дипломы магистров. В советское время каждый человек, окончивший среднюю школу, знал причины экономического процветания Европы и нищеты так называемых «развивающихся стран». Их две, - первая - промышленный и экономический бум 18-го и 19-го веков, обеспечивший европейским странам экономическое и военное преимущество над другим миром. И вторая - завоевание Европейскими державами стран Азии, Африки и Латинской Америки, превращение их в колонии и беспощадную последующую эксплуатацию, и ограбление своих колоний. Некоторые из них, например, Индия, Пакистан и некоторые другие освободились от колониальной зависимости или протектората только в середине 20-го века.

А вот то, что промышленный и экономический бум 18-го и 19-го веков произошел на Европейском, Христианском континенте, а не на африканском, латиноамериканском или азиатском, наводит на размышления, не так ли. И этими размышлениями занимались умные люди, историки, экономисты, философы, и есть обширная литература, показывающая в частности, что причиной (а не препятствием) экономического подъема было именно Христианство. Например, историки Трульч и Макс Вебер, показавшие, что промышленный подъем связан с моральными и социальными идеалами пуританства. Пуритане стали движущей силой и основателями экономической мощи и соединенных Штатов Америки. Напомню, что пуритане, - это одна из разновидностей Протестантизма, возникшего в результате реформации Западной Церкви. Протестантская Церковь поощряет частную инициативу, бизнес и предпринимательство.

А поскольку Европа была вся христианской, и Церковь регламентировала все стороны жизни, то такое изменение отношения к бизнесу привело к всплеску частной инициативы, бурному росту экономики в протестантских странах, который в литературе называют еще промышленным и экономическим бумом 18-го и 19-го века. Именно этот экономический подъем 19-го века и был причиной экономического и технологического расцвета Европы и Америки в 20-м веке, когда эти страны ушли от своих христианских корней. Считать, что этот расцвет возник на пустом месте, и тем более связывать его с секуляризацией континента безграмотно и примитивно, недостойно человека с университетским образованием.

Причиной экономической отсталости развивающихся стран, или стран третьего мира, является не их религиозность, а ограбление развитыми странами и последующее экономическое закабаление. После завоевания политической независимости эти страны оказывались в экономической зависимости от богатых стран мира, которые воспользовались их трудным положением для «более цивилизованного», экономического закабаления этих стран. Многие из этих слаборазвитых стран сейчас имеют такой большой национальный долг, что не могут даже оплатить проценты по нему, а не только выплатить его. И при чем тут их религиозность?

Некоторые из сидящих на нефти, (как пишет Роман) арабских стран имеют высокий уровень жизни, но тем не менее их патриархальный строй мешает им попасть в десятку стран с высоким индексом развития человеческого потенциала. Но причина в этом не в тех критериях, которые он приводит, - детская смертность, грамотность, уровень медицинского обслуживания, уровень преступности и прочие показатели, а скорее всего, в других. Таких, как запрет гомосексуализма и других половых извращенцев, феминизма, и других, подобных им так называемых демократических свобод. Так это не те свободы, об отсутствии которых надо печалиться, этих «свобод» не было и в Европе, пока она была христианской.

Интересно напомнить, что проводившие колониальную политику Европейские страны все были христианскими, однако это не помешало им вести себя не по - христиански. Это действительно нелестная страница в истории христианской Европы, но разве мало их было. Например, истребление североамериканских индейцев теми же пуританами, когда они осваивали североамериканский континент. Или бесконечные войны, которые не прекращались на Европейском континенте, и многие из которых были религиозными. Кстати, о религиозных войнах. Они стали своего рода клише, и их обычно вспоминают вместе с инквизицией, когда хотят показать невежество и дикость христиан. Это надо же, мало того, что христиане лишают себя радостей жизни и ограничивают постами, заповедями, длинными Церковными службами, так еще и воюют между собой. То есть, если обычные, нерелигиозные войны при всей их недопустимости все-таки имеют какое-то разумное объяснение, то религиозные вообще абсурдны и говорят только о дикости людей, в них участвующих.

Однако посмотрим на мотивацию тех и других войн. За что ведутся так называемые обычные, нерелигиозные войны. За власть, колонии (то есть территории), рынки сырья, и т. д. Ну и чем эти мотивы отличаются от мотивов волчьих стай и других хищников, враждующих за добычу и места обитания ареала. Да ничем. Теперь о мотивах религиозных войн. Как бы кто не относился к религии, нельзя не признать того факта, что любая религия утверждает призрачность земной жизни, и истинную ценность вечной жизни в Раю, которая ждет праведника после смерти. То есть глубинные мотивы поведения истинно верующего человека отличаются от борьбы за улучшение этой земной жизни. Когда мотивацией поведения является какая-то идея, неважно какая, религиозная, коммунистическая или еще какая, то можно говорить о сверхценностной мотивации. Но и какая же мотивация выше, какого человека можно больше уважать: который как волк воюет за добычу или воюет за идею. Наверное, тот и другой недостойны уважения, но более диким можно назвать первого человека, воюющего за добычу. Наверное, поэтому в мире так уважают революционера Че Гевару, погибшего за призрачную идею, о которой сейчас никто даже и не вспоминает.

Можно бы еще привести примеры недостойного поведения христианских стран и отдельных христиан, но только вряд ли это будет правильно. Мы же здесь обсуждаем не христиан, а христианство, и Роман пытается доказать, что именно Христианство как доктрина, как идеология является тормозом всякого прогресса - экономического, морального, социального, научного и так далее. Я же пытаюсь показать, что это не соответствует действительности, и христианство является не тормозом, а двигателем всякого прогресса, несмотря на многочисленные факты недостойного поведения христианских стран. Но в отличие от него понимаю, и пытаюсь это показать, что это поведение является следствием не христианства, а происходит вопреки ему.

Мало ли людей и сейчас называет себя христианами, а ведут себя недостойно этого звания. И кто сказал, что христианином быть легко и просто? Но не быть им еще хуже, гораздо хуже, и это показывает состояние современного нам европейского общества, благополучие которого действительно поверхностно и иллюзорно, но не потому что там по статистике высокий уровень самоубийств, как пишет Роман. (Правда дальше он сам же и опровергает себя, говоря, что он высокий именно в среднеразвитых странах, а не высокоразвитых). Следующее за ним заявление: «можно ли называть общество, где человек всю жизнь борется за еду и безопасное существование, более благополучным?» он почему-то считает христианским, не объясняя почему. Мне непонятно, при чем тут христианство, и зачем нужно делать такие заявления.

Современное европейское общество действительно нельзя назвать благополучным, но не из-за высокого уровня самоубийств. А потому, что, задвинув Христа на задворки своей жизни, Европа имеет отсутствие действительного морального прогресса в личной жизни. Автор, видимо, чувствует это и заранее вступает в полемику против одного из аргументов, - большого количества самоубийств в развитых странах. Это действительно аргумент, но не единственный и не основной. Но интересно, как автор защищает свою позицию. Оказывается, этих самоубийств много потому, что в развитых странах их легче совершить. Но это несерьезно. А еще оказывается потому, что по статистике в условия «борьбы за выживание» человек менее склонен к самоубийству, чем в сытой жизни. На мой взгляд, тут статистика вступает в противоречие с «житейской» логикой, и только подтверждает религиозное объяснение причины этих самоубийств.

Истинная причина у них та же самая, что и у огульного и беспросветного пьянства, наркомании, половой распущенности, СПИДа, и т. д., - бессмысленность жизни, ее пустота и бездуховность. Господь сказал, не хлебом единым будет жить человек, но и всяким словом, исходящим из уст Божиих. То есть недостаточно человеку сытой жизни, ему еще надо знать, зачем он живет. А без Бога ответа на этот вопрос нет. Вот и бесятся люди, и губят свою жизнь независимо от материального уровня их жизни.

Вообще пьянство и наркомания являются проблемой №1 почти во всех европейских странах, и не только в них. Только по статистике до 10% населения во многих странах являются алкоголиками, это значит, с учетом женщин, детей и стариков, как минимум половина мужского населения алкоголики! Раньше, когда пьянства было не меньше, борцы за лучшую жизнь народа - либералы, социалисты и прочие революционеры - объясняли причину народного пьянства тяжелой жизнью, невежеством и темнотой. Стоит обеспечить народу достойную жизнь, говорили они, и он бросит пить, и будет жить разносторонней культурной жизнью. Современная нам европейская жизнь показала, что не бросил и не бросит, потому что причина не в этом. А в том, что я сказал выше, - в пустоте Безбожия. Что это так, приведу маленький пример.

Один мой знакомый в 70-е годы прошлого века работал секретарем по сельскому хозяйству одного из районов Красноярского края. Говоря по-нынешнему, это был главный начальник над всеми колхозами этого района. Красноярский край занимает площадь, наверное, не меньше Литвы, поэтому в его ведении было несколько десятков колхозов и совхозов. В те годы сельское хозяйство страны было в запущенном состоянии и продуктов катастрофически не хватало. Сибирь не была исключением. Одной из главных причин такого положения было неэффективное хозяйствование и пьянство. В деревнях пили все, от конюхов до председателей колхозов, все пропивали,

губили технику, не выполняли планы, и т. д. Не помогали никакие меры воздействия, - ни поощрение, ни наказания.

А в Сибири с давних времен жили староверы, это православные христиане - ортодоксы. Они жили селами, в каждом селе была своя община. Так вот в тех селах, где жили староверы, не было ни пьянства, ни воровства, ни каких-то других пороков. То есть они своей жизнью демонстрировали несостоятельность коммунистической идеологии, которая была атеистической и считала религию пережитком прошлого, мешающим (как и нынешним неопозитивистам) построить новую и счастливую жизнь. Староверческие хозяйства были единственными в районе хозяйствами, где постоянно выполнялся план, не губились напрасно трактора и другая сельхозтехника, и не было никаких проблем, кроме одной, - они все, начиная с председателя, были беспартийными и верующими людьми (потому что в партию верующих не принимали). То есть в соответствии с идеологией того времени должны быть для всех отрицательным примером и подлежали перевоспитанию.

Однако их терпели и закрывали глаза на открытую религиозность только потому, что с их помощью район выполнял планы по сдаче Государству сельхозпродукции, и секретари по сельскому хозяйству и идеологии получали зарплаты и премии. Для Станислава Боженко (так звали моего знакомого), коммуниста и атеиста, это было серьезным испытанием его мировоззрения, но он его выдержал и верующим не стал, сытая жизнь и благополучие одержали верх. Его поведение вполне извинительно, так как не только он, а большинство атеистов находится в его положении, когда приходится кривить душой, отрицая очевидное.

Например, большинство атеистов не признают пустоту и бессмысленность безбожной жизни и говорят, что можно посвятить жизнь служению народу, стране, науке, искусству, прогрессу и т. д. Это все хорошо и необходимо, но не может заполнить душу человека, и косвенно подтверждается тем, что верующие есть среди всех слоев населения. В этой связи заслуживает уважения упоминаемый автором известный физик и атеист Бертран Рассел. Он много времени и сил потратил на поиск смысла жизни человека с атеистическим мировоззрением, и когда он его не нашел, у него хватило принципиальности признать бессмысленность жизни без веры в Бога.

Примечание 8: Святая инквизиция как пример «религиозного мракобесия» - это неотразимый козырь в дискуссии с верующими, и магистр благородно его не использует, - у него и так хватает аргументов, об инквизиции можно только напомнить, чтобы противник был помирнее. Но судя по тому, что он вспоминает об инквизиции как примере «защиты религиозной морали» можно предположить, что и в этом вопросе истина его не интересует и он довольствуется шаблонами и стереотипами, услужливо сформированными в атеистическое прошлое нашей страны и которые до сих пор охотно повторяют средства массовой информации. А что можно узнать об инквизиции из средств массовой информации, которые руководствуются принципом, - о церкви или ничего, или гадости. Примерно следующее.

Поскольку колдовство, шаманство, вызывание духов, и прочая черная магия несовместима с «религиозной моралью», то Западная Церковь в средние века ввела в свою практику охоту на ведьм. Будучи противником науки и оплотом мракобесия, Церковь перешла в средневековье от слов к делу и показала всему миру свое истинное лицо. Людей, в основном молодых женщин, обвиняли в колдовстве, бросали в застенки инквизиции, пытками выбивали из них самые нелепые признания в связи с нечистой силой, на которые бедные женщины шли и оговаривали себя, лишь бы избавиться от мук, а потом подвергали их мучительной казни, - заживо сжигали на костре. Таким вот образом в течение примерно 1,5 – 2-х веков бесчинств инквизиции было уничтожено так много женщин, что в некоторых странах сократилась численность населения и был подпорчен генофонд, поскольку сжигали самых красивых. Теперь во многих странах Европы, например, Испании и Франции женское население уступает в красоте некоторым другим европейским странам, например, Украине, где не было инквизиции.

Это слабый пример того, что можно прочитать об инквизиции практически в любом источнике информации, который вспоминает о ней. Слабый в части силы эмоционального воздействия на читателя, потому что борзописцы пишут куда как сильнее, они умеют отрабатывать свой хлеб. А на самом деле, что такое инквизиция, почему она появилась, и чем на самом деле занималась? Как это не покажется парадоксальным, но в части охоты на ведьм инквизиция является козырем не атеистов, а верующих. В вопросе об инквизиции мы имеем дело со стандартным приемом лжецов, который заключается в такой интерпретацией фактов, которая хуже лжи. Можно удивиться, - убийство людей, как ни интерпретируй, остается убийством, и ему нет оправдания. Но не все так просто. Почти во всех странах по приговору судов людей убивают до сих пор, и никто этим не возмущается.

Чтобы хоть немного понять, что происходило тогда, в средние века, надо посмотреть на нас, сегодняшних, живущих в век торжества науки, в век Интернета, мобильных телефонов и так далее. Если приехать в любую деревню или село России, пожить там некоторое время и войти в доверие к местным жителям, - вам укажут на местную колдунью или колдуна. И не просто укажут, а подскажут на небезопасность общения с ней и посоветуют держаться от нее подальше. Да что в село. Можно смело приезжать в любой город, начиная от уездного и кончая столичными, и, купив местную газету, найти массу рекламы от экстрасенсов, биоэнергетов, «белых» колдунов (это они сами себя так называют), предлагающих свои услуги по защите от сглаза, порчи, защите жилища от домовых и тому подобное. Я уже и не говорю про астрологические прогнозы, они стали просто частью нашей жизни.

А поскольку мы живем в рыночное время, то наличие предложения может быть только при условии спроса на него. Поэтому не буду гадать, сколько процентов людей верит во все это: сглаз, порчу, домовых, леших, привидения, колдунов и т. д. - но знаю, что много, каждый третий, наверняка, хоть раз в жизни пользовался услугами экстрасенсов или иных колдунов, как бы благозвучно они сами себя не называли. А уж о Ванге, барабашках, спиритах, полтергейсте, летающих тарелках и прочей нечисти только ленивый не знает. Я говорю сознательно, «не знает», а не «не верит», так как это уже стало даже не предметом веры, а предметом знания. В СМИ это одна из самых интересных тем после спорта и политики. И этот оккультизм и магия современного человека прекрасно уживаются с «научным мировоззрением», интернетом и мобильными телефонами, и атеизмом.

Современные государства не имеют специальных структур и программ для просвещения своих граждан, это личное дело каждого. Раньше с суевением активно боролась наука, сейчас она на словах тоже борется с ним, но одновременно занимается изучением этих аномальных явлений (как она их называет). И только христианская церковь во все времена последовательно выступала и выступает против суевения во всех его формах, - будь то чародейство, спиритуализм (вызывание духов), полтергейст, привидения, домовые, водяные, лешие, НЛЮ, барабашки. Суевение - это удел не верующих в Бога и невежественных людей, которые не слушают ни голоса науки, ни голоса Церкви. Чтобы слушать голос Церкви и верить ему, надо быть ее членом, и поэтому Церковь мало успеваает в борьбе с суевениями.

В городах профессиональные колдуны живут безопасно, зарабатывая на жизнь оказанием соответствующих оккультных услуг людям с «научным мировоззрением» и без него. А вот в сельской местности колдунам до сих пор приходится нелегко и частенько их защищает от земляков только страх наказания. До сих пор в прессе можно встретить статьи о расправе односельчан с каким-то колдуном. Просто центральные СМИ об этом не пишут, а местные мало кто читает. А в Индии, африканских и некоторых странах, где до сих пор слабая государственная власть не может защитить своих граждан, расправы над колдунами, так называемые, самосуды и в наше время происходят почти ежедневно. Так это сейчас, в 21-м веке, когда Государство худо-бедно защищает жизнь своих граждан. А что было в средние века, когда науки еще не было, а суевения было не меньше. Народ жил в основном в сельской местности, и самосуды, расправы над колдунами были обычным явлением, их просто защищать было некому, так как тогда не было органов правопорядка, как сейчас.

И вот эту функцию защиты невинных людей от обвинения в колдовстве и взяла на себя Церковь. В отличие от отделения полиции церковь тогда была в каждом селе, имела авторитет и определенную власть, и воспользовалась ими для защиты людей от самосуда толпы. Когда меры убеждения в борьбе с народным суеверием оказывались недостаточными, церковь брала обвиняемых в колдовстве людей под свою защиту. Церковь не бросала обвиняемых в свои застенки, а защищала от самосуда на время расследования обвинений, которые выдвигали против них земляки. Слово инквизиция означает в переводе, - исследование. Таким образом, инквизиция возникла не как практика охоты на ведьм, а как защита этих «так называемых» ведьм от самосуда толпы.

Сохранились десятки тысяч протоколов допросов обвиняемых в колдовстве людей, и когда ученые стали их изучать, то выяснилось очень много интересного. Приведу только некоторые основные выводы, которые можно сделать при изучении этих протоколов. Процесс исследования шел очень долго, годами, а следователи (инквизиторы) всячески старались оправдать жертву, найти какое-то разумное объяснение наговору. Что скажем, корова у соседа издохла не потому, что соседка наколдовала, а по какой-то другой, реальной причине. В девяти случаях из 10 жертву удавалось оправдать, и только в одном случае из 10 выносился смертный приговор. пытки при исследовании, как правило, не применялись, но поскольку в то время в гражданском судопроизводстве пытки были обычным делом, то и инквизиторы тоже иногда пользовались ими. Но не они их придумали, и все рассказы о зверствах инквизиции являются обычной выдумкой атеистов.

И в отношении количества жертв, как выяснилось, цифры были многократно увеличены. По разным исследованиям за 1,5 – 2 века инквизиции во всех странах Европы было уничтожено от 30 до 50 тысяч человек. Если принять максимальную цифру жертв в 50 тысяч и поделить ее на 200 лет инквизиции, то получим 250 человек в год на все страны Европы, или 25 человек в год на страну (при 10 странах). Даже с учетом того, что тогда население Европы было гораздо меньше, может, даже и в 100 раз меньше, чем сейчас, 25 человек в год - это не тот порядок цифр, чтобы можно было говорить о подпорченном генофонде и сокращении численности населения. Хотя дело, конечно, не в цифрах. Убийство даже одного человека не имеет оправдания, а тут тысячи. Главное в том, что, как следует из вышесказанного, благодаря инквизиции удалось сократить число невинных жертв.

В связи с оценкой числа жертв инквизиции не могу удержаться от сравнения его с числом жертв, которые понесла, например, Франция после того, как там пришли к власти революционеры-якобинцы, гуманисты, борцы с инквизицией и Церковью. Они обещали народу свободу, равенство и братство, а вместо свободы во всех городах страны заработали гильотины, под ножом которых оказывались десятки голов французов в день, а не в год. Но об этом факте, как и о многих других, СМИ даже не вспоминают, а вот инквизиция является излюбленной темой при всяком упоминании о Церкви.

Инквизиция рассматривала доносы не только на колдунов и ведьм, но и дела еретиков, гомосексуалистов, педофилов и других извращенцев. Особняком стоит тема инквизиции и науки. Тут сразу же всплывают имена ученых Галилео Галилея и Джордано Бруно, невинно пострадавших от рук «палачей в сутанах». В коротком комментарии нет возможности даже кратко рассказать об этих делах, скажу только, что все, что написано об этом в СМИ является такой же, и еще большей ложью, чем в рассмотренном выше вопросе охоты на ведьм, которую якобы развязала Церковь в средние века.

Примечание 9: Осталось рассмотреть последний, самый запутанный пункт обвинений, касающийся соотношения свободы, «морального закона» и заповедей. Автор сначала приводит два примера, показывающие, что заповеди противоречат жизни, заставляя человека быть «рабом чьих-то суждений». Потом, на основании этих примеров делает вывод о том, что заповеди «лишают человека главного – самостоятельного формирования ценностных представлений». Потом делается

заявление, что человек сам определяет, что он хотел бы видеть «всеобщим законом» поведения (вместо заповедей) и не нуждается в религиозных принципах морали. А в конце делается вывод о том, что некоторые общества «на определенной стадии развития» (надо понимать, нынешние исламские государства или европейские средневековые) нуждаются в этих заповедях, а вот уже развитые плюралистические общества не нуждаются в религиозных принципах морали, и могут себе позволить больше измерений свободы. И законодательная система этих обществ вырабатывает социальные нормы поведения (фактически – заповеди). Вот такая каша в голове у автора.

Как же в действительности обстоит дело с моральным законом и заповедями Божиими. Итак, сначала о моральном, или нравственном законе. Он не формируется человеческими сообществами, а существует объективно, также как законы природы, например, закон тяготения. Он называется еще естественным законом, или законом правильного поведения. Каждый человек имеет в себе этот закон, независимо от того, в какое время, на каком континенте и в каком обществе, развитом или неразвитом, он живет, в каком звании находится, и так далее. Этот закон известен с древности. Мыслители и философы размышляли о нем, - его величии, объективности существования именно как естественного закона. Например, упомянутый автором И. Кант так писал о нем: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

И с древности же люди пытались объяснить его происхождение и объясняли его по-разному. Христиане считают, что закон заложен в нас, людях, Создателем, и этим, то есть возможностью различения добра и зла мы отличаемся от животных. Творец, создавший мир и человека, создал и законы жизни: не только правила вращения небесных сфер или движения молекул, но и законы жизни человека в обществе, возрастания человека как личности, как образа Божия. То есть, с Христианской точки зрения, нравственный закон – не внешнее по отношению ко мне правило поведения, а внутреннее условие моей нормальной жизни. Поэтому несоблюдение нравственного закона разрушительно для человеческой личности.

Люди неверующие и атеисты не могут согласиться с таким происхождением нравственного закона и объясняют его результатом договоренности людей о том, как им жить, и другими, аналогичными причинами. Но эти объяснения не более основательны чем, например, объяснения естественного происхождения Вселенной, человека, и т. д (см. на эту тему выше). Всегда, в любом конкретном случае, можно показать, что человек чувствует зло и безнравственность независимо от своего образования, знания о каких-то договоренностях и т. д. В этом – принципиальное отличие христианской морали от морали атеистической: - нравственность для христиан не есть результат договоренности людей о том, как им жить, но требование самой природы человека, условие ее нормального функционирования. Честная и добросовестная попытка объяснить происхождение нравственного закона и других явлений духовной жизни человека приводят некоторых мыслителей к принятию идеи Бога. В частности, упомянутый автором И. Кант, размышляя о нравственном законе и духовной жизни, сам пришел к вере в Бога и даже сформулировал так называемое доказательство бытия Бога. Оно, конечно, мало кого может убедить, но интересно своим происхождением.

Так заповеди Божии являются тем же самым моральным законом, только записанным не на «скрижалях наших сердец», а пророком Моисеем на каменных скрижалях, когда он на горе Синай лицом к Лицу разговаривал с Богом. То есть записанные заповеди имеют то же происхождение и ту же цель, что и нравственный закон - возрастания человека как личности, как образа Божия. И несоблюдение их также разрушительно для человеческой личности, как и несоблюдение нравственного закона. Зачем к естественному, не писаному закону потребовался еще и закон записанный, показывает не только история человечества, но и его настоящее. У каждого человека во все времена были «основания» для нарушения обоих этих законов, писанного и не писанного. Эти «основания» хорошо выражает народная мудрость – грех-то сладок.

Автор пишет, что современные развитые общества могут позволить себе больше измерений свободы и не нуждаются в заповедях. А у меня вопрос, - сколько больше они могут себе позволить. Могут они, например, вообще обойтись без Государства в любом его виде: современным или не очень, ветвями власти или без них, с вождем, царем, шахом, президентом или генсеком во главе, с гражданскими, уголовными и прочими законами и колоссальным аппаратом чиновников и полиции для контроля за их исполнением, и т. д. и т. п. Вопрос риторический, так как ответ ясен, - конечно, нет! Даже и подумать страшно, что может произойти в любой, самой развитой стране, если там не то что исчезнет, а только немного ослабнет государственная власть. Мы недавно пережили это в России, когда власть коммунистов исчезла, а новая еще не окрепла. Тогда, в 90-е годы прошлого века был такой разгул криминала, что Роман решил, будто воры в законе дополняли государственные институты и обеспечивали в России общественный порядок. Если он прав, и они его обеспечивали, то это был такой порядок, при котором за несколько лет Россия потеряла столько людей, как будто прошла небольшая война. Про развал экономики и нищету я не говорю, они до сих пор не преодолены. И Россия не исключение, то же самое произойдет в любой Европейской стране, ослабни там немного государственная власть. Вот вам, господа хорошие, и «развитые плюралистические общества».

А в истории человечества был один народ, который несколько веков обходился без государства, даже вождя у него не было. И именно народ, численностью несколько миллионов человек, а не какое-то дикое племя. Это народ Божий, Израиль. Не государство Израиль, а народ, как назвал его Господь Бог. Этот народ (Евреи) не платил налогов, так как некому было их собирать, и некого было на них содержать. У них не было судов, тюрем, полиции, адвокатов и прокуроров, так как некого было судить, защищать или обвинять, некого содержать в тюрьмах. Не было денег, коррупции, проституции, бомжей, нищеты и роскоши. И т. д., и т. п. Не буду продолжать дальше описывать их жизнь, каждый может сам прочитать о ней в книгах Ветхого Завета, являющихся частью Священного Писания Христиан. Как же этот народ обходился без государственных законов и власти, формирующей их и обеспечивающей их исполнение. Ответ очень простой, - народ жил по заповедям. И только постоянные нарушения заповедей и отступления народа от Бога привели к тому, что Господь лишил свой народ свободы и дал ему взамен «ярмо» в виде государства с царем во главе. Таким образом, государство с его институтами, - армия, служба безопасности, полиция, департаменты, чиновники, - появились как следствие нарушения заповедей и необходимость устроить жизнь без их обязательного выполнения.

С тех пор государственная власть сильно изменилась и «развилась» и стала демократичной. Если раньше носителем власти был царь, как помазанник Божий на власть, который и делегировал ее своим советникам и помощникам, то теперь это всенародно избранный президент. После смерти царя власть переходила по наследству от отца к сыну, и народ клялся новому царю, как помазаннику Божию в верности и служению. А когда теперь всенародно избранный президент вступает в должность, то он клянется народу в верности и служению. Разница, как видим, огромная, и из нее много чего вытекает. Прежде всего, то, что монархия (не империя или диктатура, а монархия) может быть только в Христианской стране, и когда народ теряет веру, то меняется и форма власти. Эта потеря веры (см. ниже) и было в частности причиной смены власти в России в 1917-м году, а не Ленин, большевики или происки каких-то врагов.

Форма власти фактически указывает на разные типы цивилизации, - сотериологическую и гедонистическую. Сотериология, это Христианское учение о спасении, а гедонизм это наслаждение. Из самого названия видно, что эти цивилизации должны отличаться друг от друга отношением к настоящей, текущей жизни и к религии, к Богу. Если в цивилизации и стране сотериологического типа целью жизни народа является служение Богу и царю, как помазаннику Божию, то в гедонистической цивилизации и стране целью жизни народа является устройство счастливой жизни на земле и, следовательно, служение себе. Конечно, Бог тут совершенно не нужен и президент (или иной руководитель) должен служить народу. И Роман изо всех сил защищает ценности этой цивилизации и вообще считает ее высшим достижением

человеческого разума. Но сама жизнь, точнее, отсутствие действительного прогресса во всех ее сторонах опровергает его. Анализ истории западной Европы с точки зрения реализации в ней доктрины прогресса можно посмотреть в работе историка и философа Кристофера Доусона: «Прогресс и религия». Но это другая тема и придется вернуться к заповедям.

Какое бы ни было государство, современное демократическое или средневековое, христианское или языческое, само его существование вызвано тем, что народ не живет по заповедям. И не только простой народ, но и власть предержащие. Поэтому вся история человечества, - это бесконечные войны, убийства, роскошь и нищета, деньги, коррупция, проституция и т. д. и т. п. - это все следствие нарушения естественного закона и заповедей. И это все история не только язычников, но и христианских народов. Разница между язычниками и Христианами только в том, что первые грешат, нарушая только естественный закон, как, например, жители Карфагена, приносившие в жертву идолам своих детей, и индейцы из империи инков или ацтеков, с их человеческими жертвоприношениями. Но и их не пощадил Бог за такие бесчинства, и Карфаген был отдан в руки римлянам (тоже язычникам), которые его завоевали и полностью разрушили, а империя инков была отдана в руки жестоким и алчным конквистадорам и тоже завоевана и полностью разрушена.

В наше «просвещенное» время принято гневно осуждать алчных и жестоких конквистадоров, разрушивших великую культуру инков и ацтеков (хотя никто не знает, в чем ее величие). Не буду защищать конквистадоров, отмечу только, что они все же лучше индейцев хотя бы тем, что их можно назвать жестокими и кровожадными, а индейцев даже так нельзя назвать. Они вели себя не как люди, а как хищные звери, и убивали безжалостно, без гнева и жестокости, так же как одно животное убивает другое. Вот такое отношение к жизни человека не имеет оправданий и извинений и породившая ее культура не имеет права на существование.

А христиане нарушают и естественный закон и заповеди, и менее извинительны, чем язычники. Те же бесконечные войны и проявления жестокости, несправедливость, эксплуатация и т. д. Всего этого так много, что можно решить, (что и делает автор) что никакой принципиальной разницы между христианскими и языческими странами нет, и более того, все это и есть следствие «религиозного невежества», а не нарушения заповедей. Но это не так. Новая история дает нам много примеров, показывающих на это. Как только в какой-то христианской стране к власти приходят люди, желающие осчастливить свой народ избавлением его от «религиозного дурмана», «раздавить гадину» (см. выше) и построить счастливую жизнь без Бога, то всегда получается «с точностью до наоборот». Примеры я уже приводил выше, - это и Французская революция, и Русская революция, и Третий Рейх.

Выше я уже писал, что, задвинув Христа на задворки своей жизни и пытаясь устроить свою жизнь без выполнения Его заповедей, Европа имеет отсутствие прогресса в личной жизни. И не только личной жизни, но и в других областях, например, в межгосударственных отношениях. За внешним лоском межгосударственных отношений скрывается тот же звериный оскал, и все спорные вопросы или никак не решаются, или решаются по принципу – «у сильного всегда бессильный виноват». Примеров сколько угодно: Иран, Ирак, Югославия, Косово и т. д.

Выше, в одном из предыдущих комментариев я приводил пример компактно проживающих в Сибири староверов. Их жизнь является примером не только трезвости и благоразумия, но и христианского отношения к труду, поэтому вернусь к нему еще раз. Заработная плата сельчан тогда была очень низкой и не зависела от количества труда, не говоря уж об усердии, инициативе и других добродетелях. Поэтому люди не хотели работать «на дядю» и откровенно бездельничали. Кстати говоря, этот повод для оправдания прохладного отношения к работе характерен не только для плановой экономики, но и для нашего времени. Это только при выполнении примитивных работ можно установить жесткую связь между количеством труда и полученным результатом. А как связать количество труда с его результатом у менеджера, ученого, инженера,

учителя, оператора АЭС и т. д. Мне кажется, что забастовки учителей, авиадиспетчеров, шахтеров и т. д., требующих повышения зарплаты подтверждают это.

В тех селах, где жили староверы, не только не было пьянства, воровства и других пороков, но был порядок и организованность, честность и трудолюбие. Люди там, как и в других хозяйствах, работали практически бесплатно, но добросовестно, выполняя и перевыполняя нормы. И не потому, что труд - это дело чести каждого Советского человека, как гласила тогда идеология, а потому что это заповедь Божия. И тот, кто плохо трудится, нарушает заповедь, которая гласит, «кто не работает, тот и не ешь». То есть они своей жизнью демонстрировали несостоятельность атеистической идеологии, которая считала религию пережитком прошлого, мешающим построить новую и счастливую жизнь. Однако новая жизнь ну никак не строилась, не хотели люди, выросшие свободными от «религиозного дурмана», ее строить.

А те, кто продолжал верить в Бога и жить по Его заповедям, вопреки всем идеологическим штампам были образцом и примером для подражания и показывали, что заповеди Божии не могут быть заменены какой-то идеологией. Тогда это была коммунистическая идеология, сейчас Роман говорит о возможности «самостоятельного формирования ценностных представлений через осмысление и чувственное переживание окружающего мира». Но постоянные протесты и забастовки в странах Европы показывают, что и современному развитому плюралистическому обществу Европы не удастся сформировать такое представление о важности и ценности труда, которое заменяла бы заповедь Божию. И пример староверческих хозяйств подтверждает это.

Можно спросить, а почему же огульное пьянство, темнота, невежество и другие пороки были в России в те годы, когда она была христианской страной, и не было гонений на веру и Церковь. Например, в конце 19-го и начале 20-го века, перед первой мировой войной. Ответ очень простой, хоть и печальный, - Россия к этому времени настолько утратила веру, что она выродилась в обрядоверие. Церквей было много, больших и красивых, много людей посещали Церкви, ... но мало было верующих. Парадокс только кажущийся, потому что вера только на первый взгляд является таким неопределенным, размытым понятием. На самом деле ее наличие или отсутствие всегда можно увидеть. Так вот по разным оценкам в начале прошлого века верующих в России было примерно 1-2% (от православного населения), а с учетом других вероисповеданий еще меньше. Эту цифру приводит епископ Иоанн (Шаховский) в таком примере.

В годы первой мировой войны один священник, его знакомый (я забыл фамилию), жил в Германии и получил разрешение от властей посещать лагерь с военнопленными из России и проводить там богослужения. В лагере находилось несколько тысяч (забыл цифру, но не более 3-х тыс.) солдат разного возраста, призванных в армию из разных сословий и губерний великой России, и их можно считать как бы социальным срезом всей России, или, иначе, выборкой социального опроса. До отречения Царя Николая второго (в марте 1917-го года) на воскресные службы к этому священнику приходили практически все военнопленные, даже инославные, потому что Церковь в России была государственным учреждением, и православные в большей степени, чем инославные могли надеяться на Государственную защиту в освобождении из плена.

После перехода в России власти к временному правительству Церковь была отделена от Государства и особая помощь государства Православным в освобождении из плена исчезла - среди прихожан этого священника осталось только 10% военнопленных. Когда лагерное начальство изменило свое отношение к Церкви, и для посещения Богослужений нужно было чем-то жертвовать (не помню чем, может отдыхом или еще чем), количество прихожан еще уменьшилось, и осталось только 10% от оставшихся, то есть 1% от общего количества. Мне кажется, что только этих людей, которые готовы чем-то жертвовать для служения Богу, а не посещать службы из праздности или тем более из корыстных соображений и можно назвать верующими.

Но вернемся к примерам автора, в которых он показывает, как «требования жизни» входят в противоречие с заповедями. В первом примере говорится, что «в определённых молодёжных субкультурах практикуется свободная любовь по взаимному согласию, соответственно заповедь «не возжелай жены ближнего своего» там нарушается. Там нарушается не только эта заповедь, но и другая, - не прелюбодействуй. Трудно даже критиковать такой пример, он сам себя изобличает. И то, что автор называет группы опустившихся подростков «молодёжными субкультурами», используя социальную терминологию, нисколько не оправдывает разврат, которым эти подростки и молодежь (по взаимному согласию) там занимаются. Именно эти группы являются рассадниками наркомании, гомосексуализма, СПИДА и других пороков, которыми больна нынешняя Европа. Да, к слову сказать, после первой волны «сексуальной революции», пришедшейся на 70-е годы прошлого века, в эти группы пришло какое-то отрезвление, и в некоторых странах среди молодежи уже пришла мода на неопуританство и моногамию.

Второй его пример: «или вот маньяк с ножом схватил на улице девочку, а подросевший папаша достал пистолет и нарушил заповедь «не убий» показывает только то, что автор критикует свое, искаженное понимание христианства, а не заповеди. На самом деле заповедь «не убий» совсем не означает запрет на убийство, среди христианских святых было много воинов, например, святой Георгий Победоносец, иноки Пересвет и Ослябя, которых преподобный Сергей Радонежский дал князю Дмитрию Донскому и благословил его на битву с Мамаем. Это только некоторые сектанты буквально понимают заповедь «не убий» и даже отказываются брать в руки оружие и служить в армии. А в приведенном автором примере папашу, если он устроит самосуд и застрелит маньяка, не оправдает даже гражданский суд любой цивилизованной страны, а не только суд Божий, хотя, повторяю, заповедь «не убий» тут не причём.

Осталось прокомментировать последний, «научный» аргумент, и вместо заповедей пользоваться императивом И. Канта: «Поступай согласно такой максиме, которая могла бы стать всеобщим законом». А кто против?! Какая максима могла бы стать всеобщим законом? Мне кажется, такая максима давно существует, ей примерно 2 тысячи лет. И Иммануил Кант знал о ней, когда предлагал свой категорический императив. Этой максимой является так называемое «золотое правило евангелия», которое является частью священного писания Христиан. Оно звучит так: «поступай с другими людьми так, как хочешь, что бы они поступали с тобой». Чем плоха максима, пусть критикует, если кто сможет. А она ведь тоже фактически является заповедью, только Новозаветной, а не Ветхозаветной.

И в завершение темы о заповедях можно вернуться к ее началу. Там я говорил, что моральный закон существует объективно, как и законы природы. Но хотя он существует объективно, также как законы природы, у них есть и различия. Нарушение физических законов сразу стало бы очевидным и ощутимым. Например, стоит только денек не поесть, как появляется чувство голода. Хотя, и здесь не все так прямолинейно. Например, рак легких у курильщика появляется не сразу, но после определенного стажа курения вероятность его появления очень высокая. С духовным и нравственным законом дело обстоит тоньше. Еще древнеримский философ Сенека сказал, что болезни, которые поражают душу, тем и отличаются от телесных, что чем больше болеешь, тем меньше чувствуешь. Но именно эту мысль хорошо показал А. Ткаченко, очень деликатно показывая на причину заблуждений Романа. С этой мыслью А. Ткаченко трудно не согласиться, и на этом можно закончить.

*26-10-2007г. Юрий Лаптев, инженер,
православный христианин, г. Висагинас, Литва.*

Приложение к газете «Живоносный источник»